

Дмитрий Володихин

Государева служба

Дмитрий Михайлович Володихин
Государева служба
Серия «Мир Лабиринта», книга 4

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171158

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Дмитрий Володихин

Государева служба

(повесть)

*Героическому бойцу
корнету Ливанову, а также
отечественным пограничным
войскам посвящается.*

Осень 2117 года.

Планета Терра-6, наместничество Российской империи.

Сергей Вязьмитинов, 23 года.

...под утро я все-таки заснул.

Мне уже было наплевать на то, что холодно, и на то, что узкие деревянные рейки впиваются в мою тело, да и на ледяную сырь, исходившую от стены. Ничей храп не мешал мне. Даже нервное бульканье в желудке объявило безобеденный перерыв.

Наверное, я проспал целый час. Или два, Бог весть... Какое счастье! Правда, кончилось оно слишком быстро.

Разумеется, я знал, что в любой точке Ойкумены, где сто-

ят войска Его Величества, гауптвахту будят в 6.00 по местному времени посредством звукового сигнала, каковой был мне до сих пор неизвестен, поскольку за всю прежнюю жизнь я ни разу не попадал на губу. Но этот душераздирающий дверной скрип, а также ответные вопли «твою мать!» и «какого хрена!» вряд ли могли им быть.

– Встать!

Нельзя сказать, чтобы мы выполнили команду с должным рвением.

– Смирно!

Четыре сонных офицера рефлекторно дернулись. Мы все еще спали, тело совершало необходимые действия без участия воли.

– Вольно.

Я скосил глаза на часы. Мерзавцы! Нам оставалось еще полчаса до подъема! Впрочем, армии без несправедливости не бывает. Конвоир пропустил начальника караула со знаками различия пехотного капитана. Вслед за ним вошел низенький плотный майор, круглолицый и сутуловатый. Ходил он как-то не по-армейски. Я хочу сказать, занятия строевой подготовкой майор давно и счастливо забыл. Его медвежья косолапь была на грани нарушения устава. Она вызывала неодобрительные взгляды пехотинцев. Так вышагивать может человек, решивший до дна вычерпать резервы военного вольномыслия. Как же он до майоров-то дослужился?

Нечто в его форме вызывало у меня тревогу. Что такое?

Майор и майор... о! Шеврончик у него зелененький. Выходит, – коллега, погранвойска. Не по мою ли душу? Что за дело пограничнику до мичмана с большого артиллерийского корабля «Гренгам»? Или до двух похмельных ребят из бригады противокосмической обороны? В то время как я...

– Лейтенант Вязьмитинов.

Он произнес это столь тихо, а я столь мало хотел прогонять сон из глаз, ушей и мозга, что собственная фамилия не сразу дошла до тех мест, где отдыхало здоровое мое понимание.

– Я...

Он подошел вплотную и глянул исподлобья – испытывая, зло, – как смотрят на собачью кучку посреди кухни.

– Не боитесь всю жизнь свою проспять, голубчик?

Мне хотелось ответить ему попросту: «Дядя! Какое тебе дело до моей жизни? Пройдет час-другой, явится военюрист с конвойной командой и сопроводит меня в дисбат, на должность старшего оператора по чистке картофеля. А ты, Педагог Фомич, решил предварительно меня повоспитывать? Катился бы в жопу». Конечно, я ответил иначе:

– Никак нет, господин майор.

– Понравилось на нарах?

– Никак нет, господин майор.

Одни и те же слова можно произнести с разной интонацией. Вторую мою реплику он обязан был прочитать как мягкий вариант «катился бы»...

– Почему стрелял в воздух?

Я не нашелся, что ему сказать.

– Отвечать.

Он говорил негромко. Он проявлял армейскую вежливость, и он был в своем праве. Только я не знал ответа на его вопрос.

– Не желаю становиться подлецом, господин майор.

Пусть это не совсем правда, но я ведь и не обязан душу ему расстелить, как карту на столике. Кушай, майор. Кушай, что дают.

Он смотрел мне в глаза, я не отводил взгляд. Какого ляда! Смущения ему от меня не дожидаться, чай не барышню из императорского пансиона благородных девиц рассматривает.

Майор повернулся ко мне спиной.

– Так. Я его забираю.

У начкара вытянулось лицо.

– Па-азвольте...

– Вот приказ.

Капитан с необыкновенным тщанием исследовал бумагу, отыскивая тайные изъяны. По всей видимости, бумага была составлена безупречно.

– Но как же... решение трибунала...

– Вы видели приказ? Вы видели, *чьа там подпись?* Вы разучились правильно обращаться к старшему по званию?

Капитан усмехнулся. Видел он тут, на офицерской губе,

людей разных званий, в том числе старших и очень старших... Но перечить не стал.

– Хорошо. Только не забудьте расписаться за балбеса у дежурного, *господин майор*...

Из последних двух слов он выжал не меньше стакана яду.

Мне вернули документы и оружие. Я по-прежнему не понимал, что за карусель закрутилась вокруг моей особы. Неужто ребята из мобильного отряда узнали обо мне и решили вытащить? Хорошо бы. Говорят, там отчаянные люди... Впрочем, от лишних вопросов следовало воздержаться. Мой неожиданный освободитель поспешал, и я неся за ним доброй рысью.

Майор вывел меня за ворота воинской части, крупно перекрестился на приключившуюся рядом церквушку и спросил:

– Как давно вы ели в последний раз?

– Тридцать восемь часов назад, господин майор.

У него глаза на лоб полезли от такого заявления.

– Зовите меня Максимом Андреевичем, лейтенант. Потерпите еще часа три? Видите ли, нам надо поторапливаться.

– Как скажете, Максим Андреевич.

– Превосходно. Тогда давайте сейчас же, на ходу, решим один важный вопрос. Вы не отправитесь в дисциплинарный батальон. Но и в мобильный отряд особого назначения вы тоже не попадете. Документ, с помощью которого я вывел вас из холодной, не вполне действителен. Это выяснится

очень быстро. Может быть, уже выяснилось. Вы понимаете?

– Нет.

– Чего ж проще! У нас тут повсюду и везде не хватает людей. Буду с вами откровенен: у меня на заставе не заняты четыре офицерских вакансии. И они не будут заняты еще месяца три. Или полгода. Или год. Не берусь предсказывать.

– Застава?

– Именно. 26-я застава на Земле Барятинского. У вас есть выбор: либо вы становитесь моим заместителем по боевой подготовке на неопределенный срок, либо волокёте год в интеллигентнейшей обстановке, а потом все-таки добираетесь до блистательного МООНа... если он еще будет в вас нуждаться. Я могу вам приказать, но даю право выбрать основные факты биографии самостоятельно.

– Я могу подумать, Максим Андреевич?

– О да, лейтенант. У вас бездна времени. Целая минута. В дисбат я не хотел. Это позор на всю жизнь.

– Извольте. Вы меня заполучили, Максим Андреевич...

* * *

Без малого двое суток назад все начиналось гораздо лучше. Да все начиналось просто прекрасно!

Я покинул громаду «Сухоны» на номерном пассажирском шлюпе вместе с тремя военными людьми и одним штатским. То есть, конечно, штатской... Шлюп отвалил от стартовой

ниши космического лайнера на антигравитационной тяге, чудовищная «Сухона» стала уменьшаться в размерах, и я попрощался с муторной жизнью бесхозного летуна. Кажется, я добирался до места назначения дольше всех ребят с нашего курса. Впрочем, дольше, потому что дальше. Специалистам моего профиля на Земле делать было нечего. Бывшие курсанты Императорского училища пограничной стражи имени князя Воротынского вообще редко оставались служить в столицах. Ну а младший тактик мобильной команды так же уместен на материнской планете, как живая корова на пиршественном столе. Рыжепестрая. Тихого нрава, но с добрым запасцем навозных лепешек на борту... Последний раз в земных условиях российская мобильная команда работала в 92-м, на реке Иордан, от души замиряя обе стороны. По своему профилю на курсе я был первым. А запрос на меня пришел последним – отсюда, с Терры-6, Богом забытого форпоста Империи. Четыре месяца на попутных и не очень попутных рейсах я летел сюда. От земли до военной базы на Касаре-се меня нес в своем бронированном брюхе крейсер «Тверь». Оттуда до планеты Тан с шиком и всяческими излишествами доставила посудина тамошнего российского консула. Ничего, кроме диппредставительств у нас там нет, и меня мариновали двадцать суток, покуда некий подданный Поднебесной не согласился подбросить меня за четыре тарифа на утлом своем тихоходе до межорбитальной станции «Мангуст» в системе Терры-6. По-моему половина консульства уговари-

ла его! Ну а на «Мангусте» я всего-то недельку дожидался «Сухоны». Ерунда, если сравнивать со всем остальным...

Шлюп снижался нетряско.

Такой же свежеиспеченный лейтенант, как и я, военный казначей Андрюха... э-э-э... фамилии не помню, давал мне всяческие советы, как получше устроить свою жизнь на новом месте. Дескать, умные люди плохого не скажут. Вот, например, бабы... То есть, конечно, женщины. Их там мало. И не просто мало, а МАЛО. Может, одна на двух мужиков. Или даже на трех. Место такое, неустроенное. Но есть верные способы...

Он болтал, болтал, болтал, а рядышком сидела милая особа лет двадцати пяти, то и дело бросавшая на нас обеспокоенные взгляды. Ее беспрерывно атаковал майор, необыкновенно бравый. Майорские рассказы о простой повседневной героике немислимых каких-то «дальних разведчиков», вдоль и поперек излазивших враждебные джунгли, не особенно сочетались с шевроном квартирмейстерской службы. Однако милая особа, по всей видимости, не разбиралась в тонкостях мундирного пейзажа. Ей оставалось кивать, улыбаться и делать большие глаза при наиболее завирательных эпизодах. Андрюха нервно поглядывал в сторону незнакомки, краснел, сбивался, но потом выдавал очередной каскад любовной методологии.

Я чувствовал себя неудобно. В последний раз барышня, имевшая в отношении меня серьезные намерения, соверши-

ла визитацию года полтора назад. И с некоторых пор я стараюсь не глядеть на женщин. Особенно на молодых. Но больше всего – на красивых. Однако в первую очередь – на привлекательных. Конечно, какая-нибудь молодящаяся старушка не способна отправить спокойную реку моих размышлений по новому руслу, но если она хотя бы на пятнадцать процентов не совсем старушка... Нда. Почему на балах мне никогда не хватало живости? Как-то раз к нам приезжали очаровательные создания с Высших женских курсов императрицы Александры, и, кажется, я был близок... э-э-э... мои чувства... э-э-э... пылательная стихия... э-э-э... и как бы сказал поэт... нет, все это невозможная чушь. Марш-бросок по пересеченной местности в полной б/выкладке неизменно получался у меня лучше всяческих ухаживаний.

И теперь на милой особе я, разумеется, взгляд не задерживал.

И квартирмейстер, этот бог сражений со складскими тараканами, никоим образом меня не смущал.

И очередной секретный подходец к даме, живописно разрекламированный своим братом – вчерашним курсантом, был неспособен проделать трещину в моем бесконечном терпении.

Но значок!

Мне кажется, время от времени она поглядывала на проклятый значок...

Скажите, откуда взяться маленькому крестику «За боевые

заслуги» на груди человека, только что закончившего с отличием легендарное Военно-финансовое училище в Ярославле? Какие финансы и у кого отбивал юный герой? И почему у людей, быть может, значительно более достойных этой награды, и в разных *серьезных местах* побывавших, скажем... на стажировке, нагрудных знаков не водится?

Впрочем, утешал я себя, этот румяный казначеишка еще погибнет преждевременно под грудой убийственно скучных отчетов, а достойные люди будут вытворять все то, о чем рассказывает милсдарь квартирмейстер, но только на самом деле. Потому что работа такая у мобильного осназа...

И молодые дамы, прибывшие на Терру-6, чтобы занять скромное учительское место в средней школе, еще кое о ком узнают. Но будет поздно. Хотя это и неважно. Абсолютно неважно.

Нас посадила на поверхность лоцманская служба космопорта «Земля братьев Дроздовых», и я сейчас же был отпущен.

Милую особу встречал муж. Георгиевский кавалер. Лейб-гвардии полковник. Мы отдали честь и не успели опустить руки, как стали свидетелями впечатляющего поцелуя. Где те люди, которые твердят о супружестве, как о холодильной камере для страстей? Их бы на наше место – для перековки! В течение полуминуты после размыкания объятий георгиевская кавалерша успела сообщить мужу, какие мы чудные ребята, и до чего складные анекдоты поведал ей стари-

чок-квартирмейстер; и что у нее было желание попросить у румяного лейтенантика значок «Юный друг танка» или нечто вроде того, – никогда такого не видела, очень хочется подержать в руках.

Отлично! Ха-ха.

Напоследок барышня добавила пару слов о суровом молодом молчуне, то и дело бросавшем на нее пламенные взоры, однако ни единого слова не вымолвившем за всю дорогу.

Только нас и видели.

Но Боже мой! Разве я бросал... эти самые... пламенные? Ничего я не бросал. И в мыслях не держал. Женщины! Хотят на каждой свадьбе быть невестами, на каждом дне рождения задувать свечи, торчащие из праздничного торта, а на каждых похоронах готовы полежать в гробу, – конечно, если столь радикальное средство позволит им оставаться в центре внимания.

Штаб отдельного 3-го корпуса пограничной стражи был в двадцати минутах неспешной ходьбы от космопорта. Вообще, Терра-6 – планета военных, освоителей, фермеров, авантюристов, строителей, контрабандистов, не очень законопослушных торговцев и чугунноликих полицейских. Но на первом месте всегда оставались военные. Иначе и невозможно. Терра-6 вошла в состав Империи совсем недавно и, что гораздо важнее, не полностью. Землеподобная планета – слишком сладкий пирожок для нас. Мы не в состоянии удержать ее в одиночку. Столько раз пускали кровь России-матушке!

Силенки давно стали пожиже, чем при государе Николае I... Вцепиться мы в Терру-6 сумели. Мертвой хваткой. Планету даже неофициально называют русским именем Победа. Но целиком она России вряд ли когда-нибудь достанется. Техники хватает, средства есть, желание осваивать новые земли имеется, но катастрофически не хватает людей. Малова-то нас, обезлюдела страна. Да и русские все больше к монастырям приглядываются, чем к магазинам, где продаются колыбельки, – такой у нас нынче стиль... В 40-х и 50-х, когда шла «дикая» колонизация, сюда прилетали все, кому не лень. Наши. Горячие парни из Тихоокеанского союза. Латино. Китайцы. Женевцы. Индонезийская революционная оппозиция. Законопослушные подданные короля Аннамского. Клуб черногорских колонизаторов. Банда Тё Рина, больше известная как Братство Лучезарного Лотоса... Потом оказалось: без поддержки метрополии маленькие колонии дичают и никогда не превращаются в большие колонии. У женевцев тогда хватало проблем в других местах, и они мирно продали свой кусок латино. Китайцы заняли аннамскую факторию, и скоро все аннамцы куда-то пропали. Возможно, стали китайцами. Черногорцы с Греко-Балканским царем не имели ничего общего, им просто показалось, что группа умных, энергичных и небедных людей способна сотворить жизнеспособное государство. Их маленькая вольная община цеплялась за свою независимость до последней капли крови... но два года назад все же попросилась под высо-

кую руку императора и самодержца всероссийского Даниила III. Генерал Алексеев-Глебов, тогдашний наместник, чертыхаясь на всю Ойкумену, увеличил колониальную армию на четыре бригады, дабы было чем оборонять провинцию Новая Черногория. Индонезийцы с необыкновенной скоростью плодились и нищали. Океанийцев слегка поддерживали с Земли, но тамошнее большое начальство менялось каждую пятилетку в результате очередной гражданской войны, или, для разнообразия, национально-освободительной. В конце концов, их дальняя колония «оторвалась», затеяла собственные национально-гражданско-революционно-реставрационно-освободительные войны и распалась на сотню микроскопических княжеств. Тё Рина зарезал его собственный сын Тё Рин Младший, а потом стал вместо него Богоподобным Хранителем Гармонии, Трех Сокровищ и Двенадцати Мудростей. Если кто-нибудь из людей Богоподобного попадал в плен к соседям, его в лучшем случае убивали на месте. В 68-м Латинский союз всерьез сцепился с Поднебесной. Никто не желал уступить. Но когда дело дошло до тяжелого оружия, обе стороны решили, что лучше бы договориться: уж очень это редкая и дорогая штука – территория, пригодная для жизни, гробить ее не стоит... В 69-м Россия, Латинский союз и Поднебесная разрезали карту планеты на четыре примерно равных куска. Одну четвертую суши занимал материк, доставшийся латино. Второй континент (а их тут всего два) тянулся массивной земляной лентой от полюса до

полюса... Северную его треть заполучила Российская империя, а южную – Поднебесная. Что же касается экваториальной области, то она представляет собой политический уникум. Изучать Нейтральную зону (так она называется) было для меня сущим бедствием, именно из-за нее я нарвался на пересдачу – единственный раз за все годы, проведенные в училище. Правда, Зону никто на курсе не сдавал единожды. С первого захода я усвоил одно: не мудрствуя лукаво, местные погранцы именовали россыпь самоуправляющихся владений Зоны словом «князьцы». Этих самых князьцов – объединенных замысловатыми союзами, братствами и униями, а то и просто одиноких конкистадоров-комманданте там было аж четыреста. Их число постоянно менялось, время от времени появлялись императоры Трех Великих Кочек и Одной Плодоносной Дебри, от монахов-миссионеров доходили известия о рождении и распаде призрачных держав, но ни одна жива душа не могла в точности сказать, какая каша заваривается в сердце джунглей. Князьцы торговали с нашими городами и поселками, устраивали набеги за аманатами и рухлядишкой, всяко безобразничали и даже иногда приходили большой войной к границам имперского местничества. Тут им, конечно, объясняли, почему фунт вежливости... Раз в год на отдаленных рубежах отлавливали женевского агента: Федерация успела пожалеть, что так продешевила с Террой-6. Надо полагать, там всерьез приглядываются к Нейтральной зоне: раз она как бы ничья, нельзя ли ее при-

обрести? Изредка в лесах мелькали стремительные тени китайцев – союзники-то они союзники, а все ж приглядывают за нами. Да и они у себя на юге знакомы со стремительными тенями российских специалистов... В Поднебесной людей хватает, там их даже избыток. При других обстоятельствах китайцы слопали бы Зону за пять месяцев, князыцы бы и опомниться не успели. Но местная провинция Поднебесной – заповедник старших и заслуженных единоплеменников, там живет большая часть императорской семьи, гармонично удаленная от соблазнов престолонаследия, ветераны великой войны с Женевской федерацией, а также вся секретная китайская наука. Этим людям должно быть просторно. Им и просторно. Вокруг этих людей не должно быть сутолоки. Сутолоки и нет. Безопасность этих людей – вопрос высших ступеней философии. От Нейтральной зоны их отгораживает Вторая Великая китайская стена.

Вывод: славный город Покровец, столица нашего наместничества, переполнен штабами всех сортов и пород. Военных тут исключительно много, и они исключительно уместны.

Мое распределение на Победу не было случайным. Когда я узнал о Нейтральной зоне, то живо сообразил: Господь создал меня для этого котла с горячей кашей. Здесь я послужу государю, совершу множество подвигов и прославлюсь. Хоть и грешно думать о славе, но ведь так и тянет! Вот оно, мое предназначение – пылающая окраина великой Империи. Я

с детства чувствовал его. Некоторые люди рано понимают, какая судьба дарована им свыше.

Я предъявлял идентификационный браслет дежурному на входе, потом долго бродил по длинным коридорам со скрипучими дощатыми полами, отыскивая нужную табличку на двери кабинета. Но все это было внешние, не особенно важные действия; внутри меня поселился трепет, а в памяти всплывали пламенные строки романа «В зоне боевых действий». Капитан Крылов зарабатывал первую медаль в джунглях Нейтральной зоны, на берегу великой реки Сулатонг... Я прибыл туда, где он совершил самые громкие из своих геройских дел. Вероятно, Крылов когда-то ходил по половицам, ныне попираемым моими стопами.

Он был здесь! Теперь здесь я.

Мысли о высоком туманили мне здравое соображение, поэтому я не сразу заметил, что заблудился. Причем заблудился капитально. Дневальные, курьеры и высокие чины с подозрением поглядывали на незнакомого лейтенантика с чемоданом. Проход прямо передо мной перегораживал турникет с исключительно серьезным набором тестов...

Значит, тут есть, кого бояться, машинально отметил я.

Справа – тупик, слева – столовая. Пришлось возвращаться назад... Позорище. Тьфу, пропасть, Господи прости! Офицер осназа ищет пятый угол в трех соснах.

Отдельный 3-й корпус пограничной стражи имел самую запутанную, самую хаотичную, самую непутевую организа-

цию во всех вооруженных силах Российской империи. Одновременно он считался и самым боевым соединением, фактически живой легендой. Его структуру надиктовала сама жизнь. Вышло коряво, с кучей полусамостоятельных бригад и батальонов поддержки, чудовищной сетью технических баз и промежуточных штабов, умопомрачительно навороченной системой связи... Но эта груда людей и техники, собранная воедино противу всех уставов и правил, отменно работала. Полтора десятилетия корпусом командовал генерал Сильвестр Иванов и, как говаривали старшие офицеры в училище, на его седую голову молятся все штатные стратеги Империи. Так вот, видимо сверхзапутанная организация корпуса стала причиной сверхзапутанной организации его штаба. Мне потребовалось еще полчаса, чтобы найти искомую дверь. К тому времени я тихо закипал, а потому не обратил внимания на дельный совет проходившего мимо офицера: «О вас доложили, извольте подождать в коридоре, пока не позовут».

– Разрешите? – весьма громко произнес я, заходя в кабинет.

И обмер.

Смерть сидела в двух метрах напротив смотрела мне в самые очи, не мигая. Смерть раскрыла зубастую пасть и зашипела. Смерть вздыбила шерсть на загривке.

– Кр-раса-авец, кр-раса-авец... Ну тихо, тихо, хор-роший мой, ко-отенька... Успоко-ойся, ма-альчик, хор-роший...

Я не убежал. И не заорал. И не принял боевую стойку. До сих пор не пойму, что мне помогло в большей степени: то ли я впал в ступор, то ли все-таки контролировал свой ужас хотя бы отчасти. На начальственном столе, между инфосконом и канцелярским прибором, стояла атлетического вида лохань с месивом из столовских харчишек. Пятнистый желто-серый кот, тянувший на глаз под два пуда, упражнялся в обжорстве. Усатый. Длиннохвостый. Теперь у него появился соблазн перейти от содержимого лохани к содержимому меня.

Зверюга выпустил когти. Приглядывается ко мне, как в мясной лавке приглядываются к сочному окороку: не слишком ли жирен?

– Ну-ну-ну... Ма-альчик, краса-авец, эт-то свои. Ба-ар-сик...

Тут я заметил, что за столом кто-то сидит.

О!

Это лицо я узнал бы из тысячи.

Князь Вадбольский был некрасив. Прежде всего, по-гумилевски кос. Вытянутое лицо, узкий лоб, лошадиная челюсть. Коротко стриженные черные волосы. Кожа – бледная, простынного колера. Длинный прямой нос. Длинные, тонкие, не по веку нашему аристократичные пальцы. Да и сам он – длинный, нескладный, помесь человека и циркуля, насколько можно было судить, пока он не встал из-за стола. А когда встал, это впечатление только усилилось.

Вместо приветствия, положенного по уставу, он слегка поклонился – как дворянин дворянину. Я ответил ему тем же.

– Ждал вас, сударь. К сожалению, офицер из вашего Мобильного отряда будет здесь только через два дня. Уверяю вас, это не значит, что они пренебрегают молодым пополнением. Просто Амир-хан и его свора опять заинтересовались Елизаветиным Посадом... Все наличные силы заняты – до единого человека.

Кот продолжал посматривать на меня мрачно, однако уже без той озабоченности куском мяса насущного, каковая по-сверкивала у него во взоре с полминуты назад. Нужные слова, наконец, пришли мне на ум.

– Фелис силвестрис победика? Они же не приручаются...

– Во-первых, мало ли что напишут в учебных программах... В конце концов, совать руку в пасть даже такой милой киске совершенно ни к чему, – снисходительно улыбаясь, просветил меня князь.

Затем он сделал именно то, от чего предостерегал: потренировал котище за щеку, утыканную вибриссами. Зверь, противу всех моих ожиданий, руку Вадбольскому не откусил. Напротив, он потерялся о пальцы князя и даже легонечко взмякнул.

– А во-вторых, он у нас и не домашний. Совершенно дикий кот. Но ужасно добронравный. Лишь изредка кушает собак, впрочем, сами виноваты: не стоит по-хамски навязывать Барсику свое общество.

Чудовищный Барсик зажмурился и издал нежную трель:

«Мр-р-р-о-у-р-р»...

– Кр-раса-авец... Не правда ли, сударь? – И мой визави заговорщицки подмигнул. Вензель государя на погоне парадного мундира блеснул в такт его подмигиванию.

Я набрался храбрости и сказал:

– Вы знаете, почему-то он не вызывает у меня ни малейшего страха...

Левая бровь Вадбольского скакнула на сантиметр вверх.

– Мон шер, я далек от мысли, что этот милая зверушка способна кого-то напугать.

И впрямь, кот совершенно успокоился, уткнулся носом в лохань, принялся почавкивать.

– Что ж, сударь, садитесь, займемся делами. Хотите сигару?

– Благодарю вас, не балуюсь.

– Тогда, может быть, нюхательного табаку? Этот состав отнюдь не свидетельствует о хороших манерах, но, видите ли, а ля герр ком а ля герр... Добро бы в наших условиях можно было пристраститься только к этому. А, сударь?

– Э-э-м-м...

– Но от чаю-то вы точно не откажетесь.

– Спасибо, да.

Вадбольский вызвал штабного курьера, бездельничавшего в дежурке, и велел ему немедленно сделать чаю на четверть часа хорошего разговора. Сулатонгского, послабее. С сахаром, лимоном и баранками.

– Что я могу сделать для вас, сударь? На трое суток поместить в пансион мадам Овечкиной – там тихо и чисто, а пребывание ваше в сих благословенных стенах оплатит казна. Давайте ваши документы, я поставлю вас на довольствие. Столоваться будете здесь – я сделаю соответствующие пометки.

– Я вам очень обязан.

– Пустяки. Мы привечаем каждое новое лицо с доброй репутацией. А вас отрекомендовали наилучшим образом.

Он повозился с бумагами, внес необходимую административную дребедень в инфоскон. Тем временем зверюга непрерывно насыщалась.

Как раз к тому времени, когда все необходимые формальности были закончены, курьер принес нам чаю. Вадбольский бесцеремонно вытолкнул кота за дверь, нисколько не интересуясь, кем Барсик пожелает дополнить рацион в штабных коридорах.

Пять минут жеманного мурлыканья в духе изгнанного фелис силвестрис князь завершил, отключившись от связи, совершенно нейтральной по тону фразой:

– Э-э... мадам Овечкина. Предобрейшая женщина. Образец изящества и добронравия.

Я кивнул, заговорщицки улыбаясь. Мол, понятно мне ваше предупреждение, не оплошаю. В богоспасаемом Воротынском училище заведена была тщательно оберегаемая от преподавателей и командиров «Летопись пограничных пре-

лестей». Все 1228 женщин, от основания сего славного учреждения проявивших к курсантам внимание во время увольнительных, визитов вежливости, а также по случаю работы на технических должностях в самом училище, получили в ней скрупулезное описание. Те двадцать или тридцать, которые с несокрушимым постоянством искали военной любви, попали в реестр «литерных». Целые поколения курсантов проходили у них «курс молодого бойца». Все то время, пока я учился, литерой «А» числилась легендарная Дарья Воронец, 39 лет, жена конторщика из сахаропромышленного товарищества «Принцесса Греза», от 72 до 80 кг (в разное время), высокая, веснушчатая, говорливая, любит недорогие подарки, дорогие подарки не берет, на левом бедре шрам, любит все бурное и жаркое, нового супружества не ищет и т. п. Экая похабель! Никогда я этой «Летописью» не пользовался из чувства природной брезгливости, но устройство ее знал. Все то, что не входило в элиту «литерных» вливалось в пеструю группу «номерных». Та, в свою очередь, подразделялась на четыре главы. Первая из них содержала краткий реестр чувственных красавиц, поименованных «Бронеамфибиями». Добротный средний класс проходил под грифом «Пограничные столбы». Классом ниже шли «Буйки». Хуже всех считались «Овчарки». Эти обладали злобным характером и склонностью решать некоторые сложные вопросы с начальством училища. Так вот, судя по тону Вадбольского, добрейшая мадам Овечкина подходила к разряду «Овчарок»

или же, в лучшем случае, «Буйков».

Три основных куратора «Летописи» были однажды поиманы, с великим позором выдворены из училища, лишены права искать карьеры на военной стезе, а особенно матерый их вождь распрощался с дворянским званием. По-моему, правильно. Но их творение теперь и каленым железом не выжечь из моей головы. Пакость всегда привязчива...

Вадбольский отхлебнул чаю.

– Друг мой, как только наша беседа завершится, отправляйтесь прямо в пансион. Это Груздевой переулок, дом два. Впрочем, велю доставить вас туда на амфибии, к чему тратиться на извозчика? Ежели захотите общества или, паче чаяния, местных разносолов, ступайте напрямик в Офицерский клуб на Никольской, это доброе заведение безо всяких фокусов. Клуб – совсем недалеко от пансиона, спросите и дойдете скорым шагом за десять минут. А теперь, если вы еще не сочли меня докучливым собеседником, позвольте дать несколько советов.

– Я весь внимание, – ответил я Вадбольскому, отставив чашку.

– Вы взрослый человек и вольны поступать так, как вам, сударь, заблагорассудится. Но... не стоит посещать трактир «Под бубной», можно потерять здоровье. Не стоит посещать ресторанцию «Московский бриллиант», можно потерять деньги. А на тех, кто склонен делать долги, здесь смотрят косо... Не стоит посещать философический салон «Свобод-

ный радикал», можно потерять доброе имя. И особенно... особенно! не стоит посещать заведение мадмуазель Коврижкиной. Там вы непременно потеряете деньги, скорее всего – доброе имя, и, весьма возможно, здоровье также надолго вас покинет.

Князь улыбнулся ободряюще, пытаясь сгладить некоторую резкость последних слов.

– А теперь, мон шер, доложите, жив ли еще Носорог? Помнится, когда-то он вволю попил нашей кровушки...

– О! Значит, и вас коснулось... Что ж, субчик живехонек и энергичен до такой степени, будто у него круглый год весна... – я принялся рассказывать о старом чудовище, мучившем курс за курсом военной историей Империи с древнейших времен до наших дней. Царь Петр нагнал с корволантом шведский сикурс у Лесной, принудил к баталии и одержал полнейшую викторию... А истинной причиной Крымской войны стали Ункьяр-Инкелессийские соглашения... А в 1856 году государь Александр II сдал практически выигранную противу всей Европы кампанию... А женевский маршал Уилсон сидел со всем своим десантом в Смоленском котле до полной капитуляции... А... тьфу, пропасть.

Мы обменивались с князем воспоминаниями, щедро расходуя чай. Я пребывал в состоянии трепетного ликования. Живая легенда сидела передо мной, вела светский разговор и ничуть не пыталась показать мне, до какой степени вчерашний курсантишка ниже заслуженного героического офи-

цера, известного половине державы. Нет, конечно, это не капитан Крылов, не полковник Холмогоров и не стремительный разведчик Станкович. Но все они, Бог весть, – то ли исторические личности, то ли плод фантазии литераторов... А Вадбольский – настоящий, живой, и в нем три дырки от пуль. Во всяком случае, я знаю о трех. Лет пять назад он прибыл на заставу в отдаленном поселке Петелино для проверки, как представитель штаба. Ночью, воспользовавшись оплошностью часовых, группа боевиков из Братства Лучезарного Лотоса пробралась в казарму и перебила сорок спящих солдат, втыкая шомпола в уши. В конце концов, кто-то поднял тревогу. К тому времени Вадбольский оказался единственным уцелевшим офицером, он принял командование остатками заставы и полдня дрался с бандой, не давая ей заняться поселком. Говорят, мертвецов наделали в том побоище по девять из каждых десяти бойцов... с обеих сторон. И – вот он теперь, живой и здоровый, сидит в двух метрах от меня, чирикает мелкие веселости... Надо же.

Мы расстались мало не друзьями.

Мадам Овечкина приняла меня любезно. Была она совершеннейшей копией той самой многогрешной Дарьи Воронец, только сильно амортизированной и выцветшей. Мадам Овечкина показала мне комнату, чисто прибранную, просторную и светлую. Тахта, почти новый подзеркальник с трюмо и шифоньер времен вавилонского пленения составляли всю тамошнюю мебель. Да много ли мне и надо было?

Я принял у нее ключ и хотел бы уединиться, как вдруг деловитое немногословие хозяйки испарилось, а вместо него явилась тирада о беспомощном, скучном и несчастном житии одинокой женщины. Глаза мадам Овечкиной зажглись, будто свечи в бальном зале, морщины на лице вмиг распрямились и пропали. Даже фигура ее, мешковидная в силу ветхости лет, изобразила подобие соблазнительной гибкости. Я перепугался и пробулькал в ответ вялую невнятицу вежливого отказа. Сейчас же все сияние пропало из очей хозяйки пансиона, а боевые метаморфозы пожилых ее прелестей опали, словно грибы на сковородке, когда жар вытопит из них влагу. Однако бесстрашная мадам решилась на арьергардный бой. Она молвила:

– Но ведь скрасить досуг меланхольной жэнщины парой конков подкидного ты же не откажешься, судырь?

Пока я собирался с духом, чтобы решительно отвергнуть вечернее рандеву, милейшая хозяйка выпорхнула из комнаты. Она не дала мне шанса произнести последний вердикт. С лестницы, ведущей на первый этаж, донесся ее куражливый возглас:

– Не откажешься, не откажешься, судырь!

«Ох», – подумал я запираюсь. Ох и увы мне, грешному...

Я привел в порядок одежду и недолго подремал на тахте. Потом мышцы сами запросили ежедневной нагрузки. Каким бы ты не считал себя бойцом, а без тренировок утратить форму можешь всего за неделю. Мне предстояло рабо-

тать в мобильном отряде, а там, говорят, людям требуется двести процентов того, чему их учили... Я отыскал местечко поудобнее и загрузил тело стандартным комплексом «оса». За ним последовали комплексы «мираж», «веер» и «далекий гром». Остановиться или продолжить? Пришлось выбрать первое – прерывистое дыхание у замочной скважины очень этому способствовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.